

18+

Никита Константинович

Коваль

**Сборник
рассказов**

Бинокль

Никита Константинович Коваль

Сборник рассказов. Бинокль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23686385

ISBN 9785448501258

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Прочувствуйте жизнь во всех деталях. Попробуйте убрать стереотипное восприятие, и шаблонный мир покажет вам другую сторону. Сделано душой, обработано разумом – вот принцип моей работы.

Содержание

Сборник рассказов «Бинокль»	5
«Эхо»	5
Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	34
Синдром Феникса	38
Глава 1	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сборник рассказов Бинокль

**Никита
Константинович Коваль**

© Никита Константинович Коваль, 2017

ISBN 978-5-4485-0125-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сборник рассказов «Бинокль»

«Эхо»

Глава 1 Собачий пир

Представьте, что вы очень хотите спать, и это желание одолевает вас так, что вам приходится уснуть в любом положении, даже в самом неудобном. Ноги крест-накрест согнуты в коленях, одна рука под копчиком, другая, согнутая в локте, ладонью подпирает затылок. Вам наверняка время от времени снятся кошмары, и все мы понимаем, что эти кошмары бывают столь глубоки в своих изысканиях. Они словно затрагивают глубину наших потаённых страхов. Был ли это кошмар, просто сон или нечто другое, нам и предстоит разобраться.

Всем нам знакомо чувство, когда приходишь в гости к другу или родственнику, остаёшься у него ночевать, а наутро просыпаешься в незнакомом месте и первое мгновение пытаешься синхронизировать воспоминания с новой обстановкой. Наверное, подобное ощущение испытывает по утрам

солдат-новобранец в течение первого месяца службы. «Где я? Что происходит?» Но вот что я могу сказать точно: ни одно из этих потенциальных утренних ощущений никак не связать с ощущением, которое я чувствовал первые минуты, проведённые здесь.

Мои глаза открылись оттого, что темнота стала слишком пустой. Они нуждались в видимости объектов – я не увидел ни одного сна, пока спал (или, по крайней мере, не помню). Клубок пара не то чтобы растворился перед моим носом – он словно всосался в черноту воздуха, когда я проснулся. Первой мыслью, которая посетила мой встревоженный разум, было: «Я что, сплю на улице?». По всему телу пробежали мурашки, лишь только я почувствовал остроту камней, впившихся в мою спину. Мышцы чуть ниже левой лопатки находились в состоянии спазма – всему виной был камень, который своим острым концом продавил дырку в моём вязаном свитере. Ладонь находилась под копчиком и была придавлена тяжестью моего тела. Мелкие острые камешки впились в мою негрубую кожу. Перевернувшись на правый бок, я ещё полностью не осознал, где нахожусь. И даже когда осознал, всё равно не понял. Откашлялся, пытаюсь привести свою обездвиженную правую руку в состояние боевой готовности. Да какой боевой, кого я обманываю? Я просто хочу, чтобы она шевелилась. Второй посетившей меня мыслью была мысль о том, что я куда-то упал и недавно очнулся, но попытка вспомнить, где это могло произойти, не увенча-

лась успехом.

– Ну же, – прошептал я, даже не глядя по сторонам боковым зрением. Всё, что меня волновало, – это моя рука.

Маленькие шарики в моих мышцах напоминали кислородные шарики газировки, которую взболтали и открыли. Они брызгали где-то внутри моих мышц – щекотливый фонтан болевых ощущений. Но я знал: так и должно быть – это кровь поступает в онемевшие конечности. Когда боль утихла, я ещё долго лежал и ждал, когда же осмелюсь пошевелить пальцами. Несколько раз глубоко вздохнул неполной грудью. Но дышать почему-то было совсем неудобно – кислорода в воздухе было так мало. А вот запах... Он показался мне знакомым. Когда я был маленький, в сыром подъезде дома, где жила моя бабушка, пахло извёсткой и газом. Вот и сейчас я ощущал нечто подобное, плюс к этому добавлялся запах сырости... Или вот, вспомнил. Холодильник! У меня когда-то был холодильник, который долго простоял выключенным в кладовке, и от него стало так неприятно пахнуть, что пришлось от него избавиться. Именно такой запах царил сейчас у меня под носом, когда я открыл глаза в очередной раз. Честно сказать, лучше бы я их не открывал!

Но это не был сон, от которого можно было избавиться. Почему я так в этом уверен? Сон перестает быть сном – таким, как ты его понимаешь, – после того, как во сне осознаёшь, что это сон. Но когда пелена миража не проходит с глаз через час, два или три, а ты вот так сидишь и думаешь, во-

лей-неволей приходится осознать, что ты не спишь. Да и реальность иногда кажется миражом, если ты расслабляешь разум. Я напрягал мозги что есть мочи, призывая все свои силы здравого рассудка, чтобы понять, где я, почему я здесь и что вообще происходит.

Я проснулся на горе разбитых каменных блоков, будто расколотых неведомой силой и сложенных в груды камней. Мне ещё повезло, что не на торчащих шпильях арматуры! От этой мысли меня передёрнуло.

Боже мой, я словно очнулся над обломками разрушенного здания! Словно здание сложилось после сильного взрыва, а после меня кто-то положил на остатки расколотых стен. Когда я выдохнул, мой голос вибрировал и шёл каким-то прерывистым «Р-р-р». Вокруг царила ночь, и холод опоясал моё тело. Я был всего лишь в свитере поверх футболки и порванных джинсах. Кстати, где порвал их, я не помнил, но разрез шёл от колени до бедра. Кроссовки на мне были белые, с высокой подошвой на пене, очень удобные для ходьбы. Они были словно не из этого мира – слишком лёгкие, слишком мягкие и тёплые.

Я почувствовал жгучие царапины на ладонях; губы мои сжались, а нос впитал пыльный воздух. Из меня вырвался кашель – так внезапно, словно кто-то под большим напором воздуха начал выгонять из моих лёгких пыль. Кашель не прекращался, и я пытался силой остановить его. Задыхаюсь – воздуха мало, – падаю на левое колено и чувствую хо-

лод камня, на котором сижу. Воздух вокруг меня был, но какой-то чужой, не мой. Он словно не хотел впитываться моими лёгкими, отвергал меня, как будто в этом мире нет места тем, кто дышит. Похоже на приступ паники. Я помнил: если начинается приступ астмы, нужно выйти в другое помещение, даже если это помещение меньше того, в котором ты находился. Но мне и выйти-то было некуда – я стоял на горе сложенной арматуры и бетонных блоков, а чтобы спуститься и не провалиться ногой между нагроможденных друг на друга камней, необходимо внимание, которого у меня в приступе паники не было. Окончательно свалившись набок, я начал задыхаться – словно огромная незримая ладонь сжала меня в кулаке. Меня трясло от холода и беспомощности – это чувство можно было назвать «страхом и телесной мукой». В моих ушах звенело «У-у-у!», словно над моей головой работала ЛЭП. В какой-то миг мне даже показалось, что я слышу сверчков (наверное, всё же показалось). Камни словно начали затягивать меня внутрь; наяву ничего не происходило, но было такое чувство, будто они пытаются забрать меня к себе, в безысходность.

Моё тело расслабилось. Я лежал в таком положении, в каком был в материнской утробе. И почему-то враждебный холод, и камни вокруг меня в этой сплошной темноте, дали мне спокойствие через некоторое мгновение моих мук. Я почувствовал холодную слабость во всём своём теле, и мои руки стали мягкими и беспомощными. Я буквально потёк

куда-то ручейком. Чувствовал, будто я – река, которая протекает сквозь камни бурного водопада; неумолимая струя, несущаяся вниз, ещё ниже, ниже под камни... Словно кто-то ждёт меня в темноте камней... и тут меня ударило, дернуло всё тело. Такое бывает, когда сильно устаёшь и быстро засыпаешь, а потом резко просыпаешься от толчка, который послал мозг, ошибочно пытаясь тебя реанимировать. Это случается тогда, когда тело внезапно сильно расслабляется, а мозг думает, что тело мертво, и посылает импульс. Возможно, здесь произошло нечто похожее – я просто захотел бороться, и одышка отступила. Ну, не то чтобы отступила – я практически перестал обращать на неё внимание. На мгновение показалось, что я слышу отдалённые голоса – как будто обрывистое эхо в длинном туннеле. Слова я не разобрал, но мне показалось, что это происходило у меня в голове. А вот в реальности воздуха по-прежнему не хватало, но к этому можно привыкнуть. Это было похоже на то, когда во сне плывёшь под водой и дышишь через воду; или когда хочешь писать, писаешь, а всё равно хочешь и продолжаешь писать. «Во сне сложно сходить в туалет, но можно помочиться в постель», – подумал я, жадно вдыхая воздух и начиная искать запах вокруг себя.

Запах газа или гнилого холодильника – он был, словно перед моим носом и тут же растворялся. Как будто ты его увидел, а он так внезапно исчез, что ты подвергаешь сомнению своё зрение. Но это было обонятельное зрение. Теперь

можно и оглядеться. Я находился посередине какой-то огороженной забором стройки. Вокруг меня стояли дома, похожие на старые сталинские библиотеки или административные здания, но в них не было окон и, казалось, людей в них тоже нет. Но почему же я всё это видел в темноте? Теперь можно сказать об источнике света: это вам не флуоресцентная лампа – это словно несколько белых прожекторов вокруг меня. Они стояли на равном расстоянии друг от друга, а расстояние от самих прожекторов до меня было не близким – наверное, два квартала, а может, и больше. Дело в том, что прожектора находились за забором, который уходил за маячившее передо мной здание, так что докуда шёл забор, я так и не понял. Факт остался фактом: позади меня – пустырь, уходящий в темноту вместе с идущим вдаль забором, а впереди – старые заброшенные здания.

Теперь пришло время подвергнуть сомнению окружающую среду. Сначала я понял, что на небе нет ни одной звезды, воздух здесь спёртый, и луны тоже нет. Только прожектора – огромные светила, чей свет поверг меня теперь в сомнения. В прожектор так не посмотришь – он въедается в глаз, заставляя зажмуриться или ослепнуть, – а эти светила почему-то не слепили. Конечно, сначала казалось, что хочется зажмуриться, но потом стало понятно, что смотреть в этот свет можно долго, было в нём что-то потустороннее. Словно это был свет из другого мира.

Я всё же сел, не спускаясь с камней. Вокруг меня был ка-

кой-то противоречивый объективный мир. Нет звёзд, нет луны, есть только круглые светила за сотни метров от забора, которые неизвестно как далеко распространяются на этом участке заброшенной стройки. За оградой нет ни одного дерева – лишь темнота и круги света, освещающие местность. Воздух здесь словно в бутылке, заткнутой пробкой и немного приоткрывающейся каждый раз, когда хочешь вдохнуть. Теперь – звук. Что можно о нём сказать?

Бросив камень, я услышал щёлкающий звук, который не отозвался эхом, а сразу всосался в воздух, словно был такой густой (не от кислорода, конечно), что звук поглощался им, как глушителем. Тогда я бросил камень за спину – так, для эксперимента и, широко открыв глаза, прислушался. Не поверил – бросил еще раз, чуть левее. А теперь смело могу сказать, что звук здесь моно, а не стерео. Зачем нам два уха? Чтобы слышать источник звука, где он прозвучал: позади, слева, справа, ещё правей? Однако здесь каждое падение камня было всего лишь падением камня, и никакого территориального отголоска в мозгу. Я слышал просто щелчок, который тут же уходил в никуда. Звук моно. В точку!

Идти никуда не хотелось – дискомфорт от холода и нехватки воздуха всё равно рано или поздно заставил бы меня спуститься, чтобы найти источник тепла. Вокруг не было ни одного жилого дома. Да и вообще, тут домов раз и обчёлся, и все без стекол, старые и давным-давно мёртвые. Мёртвые... Мне стало жутко – и зачем я только произнёс это

слово у себя в голове? Сон – да, но не смерть! Я во сне, только и всего! Но во сне можно сотворить что-нибудь, как-то повлиять на окружение, однако здесь каждый камень был просто камнем, а холод так реален, что на сон совсем не похоже. Спрыгнув с последнего камня, я услышал, как прохрустел песок под моими ногами, и опустил руку на землю. Не знаю почему, просто захотелось почувствовать своей ладонью реальность. От земли прошёл такой холод, что он вошёл в ладонь и попал прямо в сердце. Меня потрянуло так, что я упал на колени, выгнув спину и пытаюсь не трясти плечами.

– А-а-а... – простонал я и услышал свой голос, вибрировавший в мрачной темноте холодным «Р-р-р».

Теперь я чувствовал холод прямо в грудной клетке – там, где билось моё сердце. Холод был внутри меня – я сам впустил его, прикоснувшись к этой зловещей земле. Я начал прыгать на земле, растирая руки, и почему-то представил, как мороженое пытается растаять в морозильнике. Пар, который шёл из моего рта, существовал не более двух секунд. Я выпустил в ладонь самый внутренний сгусток тепла, какой только смог выдохнуть. Тепло-то я почувствовал, но вместе с тем ощутил и разницу в холоде. Согреться не получится.

Я задумался, и меня опять потянуло в темноту камней. Там не нужно сражаться за тепло – холод неумолим, но он не требует никаких действий. Постой-ка! Разве я слабак? Если я здесь – значит, в этом есть какой-то смысл. Однако холод снова сжал меня в свои ладони – я перестал двигаться,

и мой взгляд замер в одной точке. Медленно подступающий звон заволок мои уши и расслабил тело – опять туда, к прохладе камней. Сражаться бессмысленно – формула уже решена.

«Во-у-ув!» – не знаю, как передать этот звук – лай собаки в самое ухо. Отбросив звон, он вонзился в мой мозг, словно нашатырный спирт, вливаемый через уши, вместо того чтобы вдыхать его носом. Прожектора в двух кварталах от меня на миг стали ярче, словно пробились мне в середину глаза, осветив местность своим холодным светом. Лай? Кажется, я слышал лай! Моно звук на миг стал стерео, и я почувствовал, как реальность врывается в мой нереальный мир: позади меня сотни маленьких ног бежали прямо на меня, взбивая под собой песок и... Пстой-ка – прямо на меня?!

Стереозвук не обманул – звук шёл позади меня. Чёрные тени, попавшие под свет прожектора, под скоростью бега то исчезали, то появлялись на поверхности земли. Они бежали с прожекторов на стороне пустыря, и, как мне показалось, настроены они отнюдь не дружелюбно и бегут прямо на меня. Лай собак приближался, и мои ноги понесли меня сквозь холод прямо к зданию администрации. Но, подбежав к ближайшим окнам, я понял, что окна первого этажа уже наполовину в земле – собаки спокойно запрыгнут в эти окна, найдут меня по запаху, а я не хочу остаться в замкнутом пространстве рядом с клокочущими зубами!

Я обежал здание вокруг и летел, не жалея ног, в сторону

следующего. Его окна были выше уровня земли в два раза – как раз то, что нужно! Подбежать и запрыгнуть – остаётся надеяться, что двери у этого здания не исчезли, как окна! Я прекрасно понимал, что расстояние, которое я хочу преодолеть, увеличивает риск быть нагнанным собаками, поскольку они бежали быстрее меня. Я бежал вдоль поля прямо по разбитому тротуару. Мои зубы стучали от бега, а свет прожекторов стал каким-то отвлекающим. «Р-р-р!» – вибрировало у меня изо рта. Когда я пробежал половину поля по пешеходной дорожке, которая наискосок пересекала поляну, соединявшую старое здание администрации с другим зданием, похожим на Сталинскую библиотеку, то почувствовал, как собаки оказались там, где минуту назад был я! Они летели с приглушённым лаем в мою сторону, словно толпа дворовой шпаны, схватившись за палки, бежала за ребятами, случайно забредшими в их район.

Страх не позволял мне расслабиться и посмотреть назад, да и времени у меня не было. Какой сюрприз ждал меня впереди? Окна! Я ожидал, что я запрыгну в окно, схватившись руками за края подоконника, однако все окна первого этажа были закрыты ржавыми стальными решётками, которые – что ещё хуже – были заставлены и забиты то ли досками, то ли ДСП (в темноте не было понятно). Я попал в тёмную часть дома – здесь свет единственного прожектора пробивался через даль поля, которое вело в ещё один пустырь, огороженный забором. Больше зданий поблизости не было,

думать тоже времени не было. Оглянувшись, я увидел, как сотни теней бегут ко мне по тротуару, и сердце моё сжалось так, словно стало совсем маленьким. С этой стороны здания не было ни одного козырька, на который можно было бы взобраться, ни одной пристройки – лишь полоса забитых окон. Рванув вдоль короткой стены дома, я обежал его вокруг и направился к дверям. Пробежал по бетонной лестнице крыльца, услышал дыхание собак, которое уже сбилось в погоне за мной, – они рвались из-за всех сил. Я сжал широкую рукоять деревянной двери, которая оказалась, к моему счастью, целой и незапертой, словно в последний раз. Потянул рукоять на себя из-за всех сил – поддалась. Ещё до того, как полностью оказаться внутри здания, я услышал, как собаки, словно быки рогами, начали одна за другой сыпать ударами голов в дверь, которую я закрыл секунду назад. Я держал дверь, словно не давая ей открыться в обратную сторону. В голову начали заползать мысли, что одна из собак сейчас встанет на задние лапы и откроет дверь передней! Кто сказал, что такого не может быть?! В этом нереальном мире достаточно нереального, кроме реальной опасности, холода и боли! Теперь воздух стал совсем не бесплатным. В полной темноте, ещё даже не подумав, может ли быть ещё какая-нибудь опасность в старой Сталинской библиотеке, я судорожно сжимал рукоять двери, восстанавливая дыхание. За что мне всё это?

Глава 2

Не забудь меня

Шум собственного дыхания не забудется никогда! В тяжёлом моторе, где единственная валюта – это кислород, горели лёгкие. Собаки – что им нужно от меня? Нет, они бьются в дверь и заставляют меня думать о том, что я жив. Что я ещё жив, что мне нужно бороться, чтобы не быть съеденным! Я замер и ждал, пока удары в дверь прекратятся, – и они прекратились. Минут пять я прислушивался и сжимал кулаки, словно готовясь к последней схватке. В голове у меня закипала ярость: казалось, что ещё секунда внезапно затихшей опасности – и я сам открою дверь, чтобы ворваться в бой голыми кулаками. Одну-двух собак поймаю и укушу за горло, да так сильно, чтобы перед смертью забрать их с собой. Но это абсурд – банальная смерть. Сколько их там? Десять минут внезапно наступившей тишины казались мне ещё страшнее тем, что она наступила после такого шквала шума. Каждая последующая секунда заставляла сомневаться в том, что собаки вообще были! Глаза не привыкли к темноте – было абсолютно темно, ибо источники света вообще отсутствовали!

– Шумите, суки! Шумите! – со всей ярости я два раза ударил кулаком в дверь, которая ещё несколько мгновений назад защищала меня от стаи собак.

Странное чувство к неодушевлённому предмету – я почувствовал себя виноватым перед... дверью, которая так отважно выдержала натиск голодных псов! Голодные псы или псы, которые убивают ради собственного удовольствия? Подумав о том, что дверь может обидеться на мои удары и открыться этим злым собакам, и поверив в собственные мысли, я нежно погладил её, извиняясь:

– Прости меня, прости, родная... – я поцеловал холодную, покрытую лаком стенку двери. – Они там? Надо проверить, – теперь последовали мысли вслух.

Прежде, чем приоткрыть дверь, чтобы одним глазком взглянуть, есть ли там собаки, или, быть может, они ушли прочь, я услышал за своей спиной человеческий голос!

– Не стоит этого делать, – спокойно проговорил хриплый голос в темноте.

– Что? Кто это? – я вздрогнул так, что чуть не открыл дверь, чтобы убежать как можно дальше от опасности, даже в сторону другой опасности, забыв о ней в момент испуга.

– Я бы ответил тебе, если бы я знал, – раздался хриплый голос во тьме. – Поднимайся наверх! Тут очень темно, и я тебя не вижу.

– Я тебя тоже не вижу! – сказал я и двинулся в сторону голоса. Отпустил дверь, вытянул вперёд руки, хватая на ощупь тьму.

О чём я думал в этот момент, когда шёл в темноте замкнутого пространства? Я даже забыл, что боюсь темноты. Од-

ну руку держал чуть впереди себя, а другую – ближе к себе, словно в бойцовой стойке. Хоть какая-то, но боевая стойка придаёт хоть какую-то уверенность. Примерно такую же уверенность можно получить, имея при себе бейсбольную битку или какое-нибудь оружие. Скорее всего, это просто психологический защитный рефлекс, когда ты в темноте, а вокруг много того, чего ты боишься, и не знаешь, как от этого защищаться.

– Надеюсь, ты мне объяснишь, что здесь происходит? – спокойно сказал голос и громко кашлянул. Меня передёрнуло.

– Говори, чтобы я шёл на твой голос. Только не молчи, говори, а то я потеряюсь, – сказал я и почувствовал новый страх. Страх того, что голоса больше не будет, темнота не закончится, и я не упрусь руками в стену, а буду бесконечно блуждать во тьме с вытянутыми вперёд руками.

– Да здесь я, не суетись под клиентом! И так жутко!

– Вот, слышу, ты рядом, – я схватился пальцами за волосатую, очень худую руку.

– Тише, тише! Не дави так – бабу за задницу так щипать будешь! – сказал прокуренный голос уже немолодого человека с высохшим телом (это сразу было понятно – по запаху). Но руку его я не отпустил, просто менее интимно обхватил её за кисть и медленно пошёл вдоль стены, куда эта рука меня вела.

Когда мы поднялись по лестнице на второй этаж, я уви-

дел, что в коридор попадает свет от прожекторов. Моим товарищем по несчастью оказался худощавый человек в поло-сатой майке, с костлявыми руками и растрёпанными волоса-ми. Я отпустил его руку, так как теперь мог его видеть. Он шёл вдоль вытянутого коридора, потом свернул в открытую дверь. Чего мне следовало ожидать? Он даже не обернулся – видимо, не так уж и рад видеть живого человека. Вдруг я зайду, а там десять или двадцать каннибалов возле костра, готовые изжарить меня в масляной бочке?

Когда я увидел его худощавое тело в одной лишь майке, мне показалось, что я не имею право жаловаться на холод. Но он даже не дрожал, а медленно подошёл к окну и встал напротив прожектора, бывшего издалека.

– Ты быстро бегаешь – я видел, как за тобой текла чёрная река.

– Это собаки! Куча собак, и все чёрные! – по мне бежали мурашки от одного лишь воспоминания об этом.

– Я кричал тебе, как мог! – он опять кашлянул, прикрыв руками сухие губы.

– Кричал? Странно, я ничего не слышал.

– Да вот с этого самого места, – он показал руками себе под ноги. Они уже успели подняться и встать возле окна на втором этаже. – Тебя кричал, до хрипоты, только вот даже эха своего не слышал. Словно слова изо рта – и в воду.

– Отсюда я бы услышал, но я ничего не слышал.

«И правда, не слышал, – подумал я. – С этим местом действительно что-то не так. Я кидал камень – звук был совсем не тот».

– Видел только, как ты несёшься... Ай!

– Что?

– Нормально, сейчас пройдёт! – сказал худой человек в майке, и теперь при свете прожектора я увидел у него на руке татуировку – парашют и надпись, слившуюся с рукой: «ВДВ». Мужчина схватил себя рукой за подбородок, и его вытянутая челюсть судорожно открылась. – Всё. Челюсть схватило – от холода часто так. Недавно вон трясло – сейчас вроде прошло.

– Тебе холодно? – я посмотрел я на его тело: кожа да кости.

– Да пустяк, привык вроде. И не такое было! – сказал старый мужик с седыми растрёпанными волосами. Казалось, если снять с него майку, то под ней будут одни лишь рёбра. Однако было видно, что он был жилистый, хотя и худой, но сильный или, по крайней мере, волевой. Он был седой, с широкими бровями, вытянутой и широкой челюстью, но всё же выглядел как пропивший всю свою жизнь старик.

– А что было-то? И где мы? Я вот вообще ни с чем не могу связать это место.

– Что было? Верить или нет, но я не помню, но знаю, что было. А где мы – думал, ты скажешь! Я же не дурак! Похож я на дурака? Может, американцы устроили? – прохри-

пел он. – Подыметь бы папироску, чтоб башка прояснилась! Подожди... Мой внук – я отправил его в магазин.

Сейчас я начал понимать, что чувствую его запах, словно в этом запахе весь он. Я не могу рассказать что-то конкретное из его жизни, но его мироощущение чувствовалось через скользящий звук запаха. Он пах водкой, колбасой и старой залежавшейся одеждой, ещё немного потом и табаком. Запах был отчетливый и никуда не пропадал, как все остальные или этот запах газа там, на горе обломков.

Я взглянул вниз – посмотреть, здесь ли собаки? Эти окна выходили в другую сторону, противоположную крыльцу. На мгновение меня окутал страх того, что сейчас эти собаки ищут способ проскользнуть в здание. А вдруг где-то есть открытое окно или запасная дверь? Я же не обошёл всё здание, да и в темноте мало что разглядел. Дрожь прошла по затылку странным холодком, и мне волей-неволей пришлось оглянуться, чтобы убедиться, что никого нет. Свет прожектора убедил меня в этом окончательно.

– Эй, молодой, – сказал пожилой мужчина таким тоном, что мне стало неприятно. – А ты-то как здесь оказался? Что-то не припоминаю тебя. – Он почесал голову.

– Я тебя тоже не знаю. Если честно, я вообще не помню, что было до того, как я оказался тут. – Я начал смотреть по сторонам: где же это мы? – Не могу даже вспомнить своё имя – оно словно крутится на языке, а сказать не могу. Не могу, но понимаю, что не может так быть, чтобы ничего

не помнить! Должно же быть что-то... – я засунул руку в дыру на джинсах, чтобы почувствовать кожу ноги.

– Ого! Интересно! Я думал, это у меня, дурака старого, в голове черти завелись – от водки одурел. Чёрт его знает, что за дела такие! – он шмыгнул носом и щёлкнул челюстью.

– Тоже не помнишь своего имени?

– Не помню. Правда не помню! Веришь мне? – он шагнул в мою сторону, и я услышал, как щёлкнула его коленка.

– Да верю я, верю, я сам ни хрена не помню! – занервничал я. В голове всё не укладывалось. – Мне это место совсем не нравится – здесь нет не одной живой души. Запахи здесь нехорошие, словно воздух прокис. Как будто мы в банке какой-то...

– Да ну тебя! – сплюнул старик и отошёл от окна. Потом, ссутулив плечи, начал ходить кругами внутри административного кабинета. Здесь были доска, ныне превратившаяся в труху разломанных щепок, несколько стульев без половины ножек и стол, у которого сохранилась одна ножка, да и тот перевернутый. – Не объяснил ничего! Я думал, хоть ты объяснишь...

– А как ты ещё объяснишь всё это? Это что, похоже на реальность? – спокойно ответил я в надежде найти в глазах старика искру сознания.

– Да не похоже, я знаю. Может, отравился чем – во рту привкус такой, как будто рыбу ел. США это всё, опыты над людьми! Знаешь, меня всё время тошнит, как будто я гарью

надышался. – Он кашлянул, теперь уже с хрипом, отхаркнул, как туберкулёзник, собрал пальцами слюну и увидел кровь: – Что за...?

– Что такое США? – задумчиво спросил я и мой взгляд, притянул его палец.

«Что ещё за США, о котором он всё время твердит?» – подумал я и увидел кровь на его пальцах. Было, конечно, мерзко и неприятно, но – кровь!

И тут началось самое интересное: старика заклинило, словно робота. Он остановился и потупил взглядом на пол, стоял так минуты две, пока мне не стало страшно. Честно говоря, я не знал, что и ожидать от этого человека, взглядом подметил ножку стула, которую можно схватить на случай чего если он дуричь начнет. Так и кажется, что начнёт.

– Не знаю.

– Что не знаешь? – вдруг отозвался я.

– Не знаю, что за США. Я думал, что знаю, о чём говорю, а теперь не могу вспомнить. Да что же это! Вот словно знаю, о чём говорил, а тут как дурак тупеешь в этой дыре! Старый я дурак! У меня же кто-то должен быть?

– В смысле «кто-то должен быть»? – поинтересовался я, не сводя с него взгляд. Он всё больше настораживал меня.

– Мои, домашние. Я же не один – мои должны меня ждать. Я должен к ним... – он присел на корточки и обрывисто начал нести несуразицу. – К моим надо. Я не хочу тут быть, меня мои любят, – почти шёпотом прохрипел он и чуть со-

гнулся. Кажется, он плакал. Во всяком случае, закрыл глаза руками. Мне показалось, что причина его безумия – безвыходное, медленное приближение неотвратимой смерти. Так странно может себя вести человек, который знает, что его казнят. Да что я об этом знаю, что так сузу?

– Кто тебя любит? – Моя надежда на то, что он вспомнил о чём-то, о чём может рассказать, не увенчалась успехом после его опять потупленного взора на пол.

– Не помню. Я не помню... Я не помню... – зарыдал он, закрывая ладонями глаза. – Я люблю их, они меня любят. Я не один, я живой! Слушай, я живой! ЖИВОЙ! – он встал и подошёл ко мне, прежде чем я понял, что делать. Он схватил меня за плечи и, плюя словами мне в лицо, взмолился: – Скажи, что я живой!

– Живой ты, старик, живой! И я живой. Мы оба живые! Просто в дерьме каком-то, но я знаю: разгадка где-то близко, – попытался успокоить я его и понял, что у меня получается. Его дыхание выровнялось, но я слышал, как бьётся его сердце. – Всему есть объяснение. – Я следил за его взглядом, который ушёл куда-то вглубь его мозга.

– Я живой! – он заулыбался, как ребёнок, но его старое лицо с такой улыбкой внушало лишь признаки безумия. – Прости, что на меня нашло – не знаю. – Вдруг его глаза прояснились, и он мотнул головой, словно сбрасывая остатки сна: – Такое чувство было, что всё – конец.

Старик встал напротив окна и при свете нескольких про-

жекторов начал разглядывать свои ладони. Сначала он потрогал их пальцами, потом понюхал одну из ладоней и так иронично улыбнулся, что мне стало искренне жаль его. Я убедился, что он всё понял, но теперь будет держать себя в руках. Он спросил (теперь уже намного спокойнее):

– Как думаешь, парнишка, что это за свет? Это Бог?

– Бог? – И тут я понял, что слово «США» потеряло для меня смысл, ещё только я попал сюда, но отголоски еще теплились где-то в глубинах сознания, но вот слово «Бог»! Нет, оно не потеряло, а наоборот, имело единственный здесь смысл. Свет прожекторов будто слился со значением всевышней силы, и всё стало яснее. Точнее, хотелось, чтобы стало так. – Я не знаю!

– Может, нам нужно туда? Там наши родные? Которые любят, и я вспомню их имена, а они – меня. Хочу обнять своих. – Он опустил взгляд. – Не хочу быть один.

Он вёл себя как ребёнок – в его голове словно перемешивались мысли. То нёс полнейшую ахинею, то снова говорил нормальным тоном.

– Слушай, мужик, ты давай не кисни! От этого ещё больше с ума сойдём – и тогда нам уже никто ничего не объяснит. Тебе нужно знать: та чёрная река, если ты не заметил, – это собаки. И они там!

Мы сели на подоконник и уже забыли о холоде, челюсть у него больше не сводило. Мы смотрели на прожектора, а я смотрел вокруг, но собак так и не было видно. Я не выхо-

дил из этой комнаты не только потому, что здесь жуть как страшно в коридорах, заполненных тьмой и иллюзией страха перед собаками, но и потому, что не хотел отходить ни на шаг от этого единственного человека, который со мной здесь. Мне казалось, если я на минуту отойду в другую комнату, то, вернувшись, уже не застаю его, как этих собак: они были реальны, пока я бежал, но потом исчезли за воротами.

– Мы уже сколько так сидим, а там ни одного звука! Ни одного движения, – сказал старик, смотря на два старых полуразрушенных дома и груды камней, на которых я проснулся.

– Ты где очнулся? И как давно?

– Не помню. Помню, что ты бежал, а за тобой – река черноты, словно она выталкивает тебя откуда-то. Мне так показалось, а оказывается, ты бежал от собак! Слушай, мне так страшно стало, что я не хотел, чтобы ты убежал куда-нибудь в другую сторону. Звал тебя как мог – не хотел остаться один.

– Меня тоже как будто что-то тянуло сюда – ноги сами бежали, – неосознанно улыбнулся я.

– У меня нет ни имени, ни фамилии – я пустой. Слушай: если кому-то из нас хана... Давай хотя бы назовём себя как-нибудь.

– Я не помню своего, – сказал я.

– Давай назовём себя как-нибудь, – повторил он, и тут у меня в голове промелькнули едва уловимые мысли, которые могли исчезнуть так же внезапно, как и появились; моей

целью было их зафиксировать и запомнить. – Потому что я тоже не знаю, как меня зовут.

Запомнить... Когда я боялся темноты, то не хотел засыпать в одиночестве, особенно если женщина, которая жила со мной, должна была уйти куда-то, и я просил её остаться, чтобы она подождала, пока я засну. Или, когда я был один, я заводил будильник на телевизоре, хотя я и не помню, что значит телевизор, но помню, что имею в виду. Это какой-то объект шума, который следует за тобой, перед тем как заснуть. Так вот, сон – как уход в темноту одиночества, но мы хотим, чтобы нас сопровождал шум. Или чтобы кто-то был рядом прежде, чем мы заснём, так же как и этот старик, который боится исчезнуть, а если ему и придётся исчезнуть, то он хочет оставить после себя иллюзию этого самого шума. В данном случае этим шумом будет являться моё знание его имени. Чтобы он не исчез сразу, а чтобы его Эхо ещё запечатлелось кем-то... Что за мысли у меня в голове?

Я увидел, как он потупил взгляд, всё время, углубляясь в думы. Словно его куда-то тянет. Словно он что-то чувствует...

– Давай я назову тебя ВДВ, как у тебя на руке написано!

– ВДВ? Давай, а я тебя... Бегущий! – он посмотрел как-то снизу, повернувшись в мою сторону, и странно хихикнул.

– Непьющий уж тогда! – переиграл я, и мы рассмеялись.

– Слушай, что бы ни случилось, не забывай меня. Не забывай! Хорошо? А то как-то не по себе.

– Не вопрос, ВДВ! – я улыбнулся ему в лицо, и он грустно опустил голову.

Глава 3

За забором

Мы задремали (или я задремал один). Не могу точно сказать – знаю лишь, что закрыв глаза, я ощутил, как холод снова затянул меня в свои объятия. «Ваув!» – лай собаки, но уже менее громкий, прямо в глубине мозга. Свет прожектора стал ярче и ослепил меня, а затем снова стал прежним.

– Эй, бегущий! – сказал старик, трепля меня за плечо.

– Что? – вздрогнул я. Лай собаки слился с первым словом, которое пробудило меня, и я на секунду испугался, что слечу вниз с широкого подоконника, со второго этажа.

– Не засыпай, пожалуйста. У меня предчувствие какое-то нехорошее. Мне стало страшно одному. Обещай, что ты выберешься к прожекторам и попросишь за меня там, чтобы я увидел своих! Я сделал что-то хреновое. Не помню, что именно, но не хочу, чтобы меня запомнили таким.

– Ты опять несёшь ерунду! Что за фразы! Ты пойдёшь со мной и сам скажешь, если уж на то пошло. Ты думаешь, у меня хватит духу одному выйти к собакам? – взбудоражился я его настроем.

– А ты не чувствуешь?

– Что? – спросил я, напрягшись и прислушиваясь: не о со-

баках ли он говорит?

– Я пахнуть перестал.

– Что?

– Знаешь, странно как-то. Но я чувствовал свой запах, а теперь не чувствую. Мне кажется, я потерял запах... – он всосал запах носом по своей ладони. – И мурашки по коже, как лёгкий ветерок растекается... рука, руки, всего меня...

– Ты чего? К запаху человек привыкает, а своего совсем не чувствует, – приняв хавшись, я понял, о чём он говорит.

– Я свой чувствовал – непрерывно, каждое мгновение. И чувствовал потому, что он мне не нравился. Раньше я почти не замечал его, но здесь чувствовал очень отчётливо, и меня от него даже тошнило. И привкус рыбы пропал. Может, он стал исчезать из-за того, что он мне не нравился? Как ты думаешь: может такое быть? – он умоляюще посмотрел на меня, но у меня встал комок в горле.

– Я не знаю!

– Я вообще не пахну! Не капли!

Я старался не обращать на его реплики внимания – хотя бы потому, что они меня очень пугали. Но сам стал незаметно для него принимать хаваться. Он действительно ничем не пах – запах исчез. Но голос... Как будто он говорил через пластиковый стакан или картонную коробку. Его голос потерял звучность и стал впитываться в темноту воздуха.

– Что ты так смотришь? – испугался он. – Эй...

Страх который я испытал, не сравним даже с тем стра-

хом который я испытывал убегая от собак. Убегая от собак, вы, так или иначе, всё же осознаёте видимую угрозу. Но то, что я видел в течение последующих двадцати минут, бросило меня в такую дрожь! После того как он сказал «Что ты так смотришь?», я перестал его слышать. Его губы шевелились, его удивлённое лицо озадаченно вертелось, и он пытался добиться от меня ответа, но пугался оттого, что видел, когда я говорил ему, что не слышу его. Он беззвучно плакал, а я не слышал его слёз. Он держал меня за руку, спрыгнув с подоконника, впился щекой в мою руку, а потом держал меня своими руками за щёки, умоляюще глядя в глаза. Я пытался передать ему глазами, что не забуду его, потому как понимал, что происходит что-то неладное. И он тоже это почувствовал. И держался пальцами за мои щёки, пытаясь найти в них хоть каплю ощущений; он терял осязание, как и я. Можете представить себе, как вы начинаете видеть сон в темноте закрытых глаз? Так вот, он – словно сон, потерявшийся в открытых глазах; словно помехи в телевизоре – крапинками, словно маленькими пикселями, – всасывался в темноту комнаты. На некоторое мгновение я понял, что не чувствую его ладоней и смотрю сквозь его глаза. Он что-то крикнул мне и растворился в темноте. Полностью всосался в воздух, словно его и не было. Опомившись, я сказал ему:

– Я не забуду тебя, ВДВ!

Ещё около часа я трясся от холода и страха, вглядываясь в свои руки и изредка что-то говоря самому себе, просто что-

бы слышать свой голос. Я бил рукой по подоконнику, чтобы чувствовать боль. Я не знал, что делать. Точнее, знал, но боязнь исчезнуть заставляла меня не отходить от света прожектора и видеть свои ладони, видеть, что я есть. Теперь я вспомнил, как хотел уснуть на камнях, как холод тянул меня, и меня ужаснуло, как я чуть не поддался ему, – видимо, я тоже в тот момент исчезал, всасываясь в темноту. Но мой мозг волей-неволей расслаблялся, голова опускалась – меня окутывала опьяняющая усталость. Я пытался бороться с ней, но она была выше моей силы воли. «Кажется, конец, – подумал я, – если меня никто не разбудит». Медленно засыпая, ни о чём не думая. ВДВ, я помню тебя. Я-то помню, но будет ли кто-нибудь помнить меня?..

«Ваув!» – раздался собачий лай над самым ухом, и прожектор завибрировал, так что его свет своей яркостью заставил дом завибрировать. Я спрыгнул с подоконника, сбрасывая остатки сна. Кислорода становилось всё меньше, и мне показалось, что дышать я смогу только на улице. Но не из этого окна – мне нужно выйти наружу. Рамки, в которые умещался кислород, ощутимо сузились, но мне нужно пройти сквозь темноту. НЕКОГДА ДУМАТЬ! Я пошёл на ощупь, отчаянно вспоминая маршрут лестничного пролёта. В дверь, налево, прямо по коридору, пока рука не упрётся в пустоту, – там будет лестница и вниз, вниз, потом прямо к двери и на выход! Но стоило мне оказаться в полной тишине и темноте, как я замахал руками, колотя ими по стене,

чтобы чувствовать, что я есть. Мне казалось, что мои руки растворились в темноте и их больше нет, что я исчезаю, всасываясь в темноту; мне нужен свет прожектора. Пять минут ада, страха, дрожи в руках, но всё же недостаток кислорода тащил меня наружу. Я понимал: чтобы жить и не задохнуться, нужно идти. Открыл ворота, абсолютно ни к чему не готовясь. Упал на крыльце на колени, пытаюсь поймать воздух, но его было мало.

Я вздрогнул: кто-то скрёб лапой в дверь внутри здания. Кто-то уже пробрался в здание – собака. Она скреблась изнутри – значит, он прошёл эти пять минут темноты рядом с неведомой опасностью. Мурашки обдали его тело, и он встал. Прожектор, нужен прожектор! Лапы скребут изнутри здания – значит, в нём уже не укрыться. Я огляделся вокруг – вдоль забора никого не было, однако это вовсе не значит, что опасности нет. И тут меня потрянуло – не только от приступа жестокой отдышки, но и от своей руки; моя рука стала немного мутной, словно растворялась в темноте. Только не это! Конец! Я не могу идти к прожектору – я уже задыхаюсь, ноги сводит жаром. Скребущиеся позади меня лапы открывают дверь – я увидел овчарку с рыжей полосой шерсти и чёрным пятном у правого глаза. Она обнажила клыки, и в её глазах я увидел свой страх, точнее – свой ужас неизвестного. Словно увидел свои глаза в глазах собаки. Овчарка залаяла, потом начала рычать. Я трясся от страха, видя, как она медленно подходит ко мне, как с её клыков стека-

ет обильный поток слюны, как её глаза пытаются меня разорвать морально... Чтобы бежать, кислород не нужен! «Пока я могу бежать – могу бежать!» – скомандовал я себе.

Я бежал, словно раненный в плечо, едва касаясь пальцами решётки забора и жутко задыхаясь. Бежал вдоль забора, пытаюсь найти недостающий прут между решёткой, чтобы выбраться наружу и бежать к прожектору. К свету, который не даст мне исчезнуть. Я слышал, как приближалась сзади, словно издеваясь, рычащая собака, готовая разорвать меня в любую минуту. А ещё говорят, собака – лучший друг человека, чтоб её!.. Я ведь даже не смогу вступить с ней в схватку – кислорода не хватит... ЕСТЬ!

Стального прута в заборе не хватало – можно было пролезть. Только бы успеть! На мгновение мне показалось, что я увидел внизу между недостающими прутьями майку моего друга с надписью «ВДВ» – словно он оставил её для меня или сам перебрался через забор. За моей спиной раздался собачий лай, и когда я перешагнул через забор, то испугался новых ощущений.

Глава 4

Джерри и фонарь

Первым, что я почувствовал, было отсутствие звука за забором. Вакуум. Такое бывает, когда ты полностью захлопываешь герметичную дверь. Словно пробка в бутылке. Я

повернулся, чтобы посмотреть на собаку, которая вот-вот должна была вцепиться мне в ногу, но её там не было. И майки «ВДВ» тоже не было. Был лишь забор, в котором недоставало нескольких прутьев, и теперь я понял, почему там, за забором, не хватало кислорода. Точнее, мне казалось, что понял, но это не факт. Кислорода там не было потому, что его там и не должно быть, ведь единственный кислород – это недостающий прут в заборе. Забор был каким-то барьером, однако отсутствие прута в нём позволило мне дышать, пускай едва-едва, но дышать. Позволило получить кислород, исходивший от прожекторов. Это были не полностью осмысленные предположения задыхавшегося человека, который оказался в вакууме. Я не слышал ничего, и меня ничто не волновало – я просто смотрел на прожектор и шёл по темноте к Создателю – попросить его, чтобы мой друг «ВДВ» встретил свою семью и чтобы его не забыли.

Сколько я шёл, не помню. Я шёл на свет, едва волоча ноги, но что происходило дальше? Если в тот момент, когда я очнулся на груде камней, я видел прожектора, расставленные на равном расстоянии друг от друга по периметру, то сейчас эти светила начали двигаться. По мере моего приближения к свету они начали сближаться передо мной, а потом один заходил на другой, как солнечный диск во время затмения, но от каждого вошедшего круга света передо мной свет начинал вибрировать и становиться ярче. Я снова почувствовал запах газа и гнилого холодильника, но не Создателя я

увидел перед собой. Это был спасатель с фонариком, которым он светил мне в лицо. Прожектор – это фонарик спасателя. Теперь я понял, почему меня так тянуло на прожектора и почему кислород поступал через забор. Но так же, как я не помнил ничего о себе и своей семье там, так и здесь я не буду помнить, что происходило там. Почти ничего.

– Джерри! Умница, молодчина! Еще одного нашли – чуть-чуть не успели...

Я повернул голову и смог увидеть, как один из спасателей погладил собаку. Это была овчарка с рыжей полосой и чёрным пятном на глазу. Собака, которая нашла меня в грудке обломков разрушенного здания, которая лаяла и пыталась спасти меня, – тот самый друг человека, имеющий неведомую силу врывать туда, куда не ворвётся свет фонаря.

Позднее мне скажут, что это был взрыв бытового газа. Так вот что это был за запах, который так напомнил мне запах гниющего холодильника! Я не помню, что происходило со мной в те ужасные часы, когда я лежал, придавленный грудой камней, – моё искалеченное сознание теперь навсегда будет бояться замкнутого пространства. Как мне потом сказали, когда меня завалило камнями, рядом со мной лежало ещё несколько человек; один из которых, кажется, был какое-то время в сознании. Мы были ограничены в движении, но именно из-за громкого кашля этого человека, который находился ближе к поверхности, нас и нашли. Мы не могли пошевелиться, но, кажется, он до последнего держал ме-

ня рукой через небольшое отверстие. От его пальцев у меня остались след и впалые лунки в запястье. У этого человека была катаракта обоих глаз – он был абсолютно слепым. Ко мне подошли его родственники: маленький мальчик стоял в стороне, а девушка – видимо, его дочь – спросила, не сильно ли он мучился. Я сказал, что ничего не помню, и это действительно было так. У него был малярия, как мне объяснила она: он не узнавал никого из своих родственников даже по голосу. Мы немного разговорились, пока меня не увезли на скорой помощи. «Он любил выпить и много курил, – продолжала она, – но в остальном был неплохим стариком, который ничего вокруг себя не видел». Старым прапорщиком, который, как мне потом казалось, затянул меня в свой кошмар. В течение нескольких лет я восстанавливал фрагменты своего кошмарного сна. Его грудь была пробита арматурой, а ноги раздавило камнями. Но я никогда не забуду его! Порой мне кажется, что мы пережили самые ужасные мгновения своей жизни. А иногда кажется, что это я помог ему продержаться, а он мне – выжить, пока собака спасателя не услышала его запах.

Синдром Феникса

*У того, где нет начала, там не будет и конца,
Чтобы жизнь нас различала лишь отсутствием лица.
И стекло глотает зерна чёрно-белого песка.
Что случилось, будет стёрто. Будет стёрто навсегда...*

Наш нереальный мир создан по макету неопределённости. В нём нет структуры правильного ответа – взять хотя бы игру в шахматы. Если играть безошибочной логикой, получится ничья, или всё-таки важен фактор первого хода? В нашем же мире всё сводится к случайности в логической ошибке. В каждой ошибке присутствует логическое заключение. Мир – сказка, а всё потому, что люди, которые бегали с луком и стрелами, сейчас могут общаться на расстоянии, используя технологии компьютерной связи – технику, которая, словно глина, вылепилась из структуры земли, камня и минералов. Мы постоянно сравниваем мягкое с тёплым. Всё это сказка, плод людской мечты: мы хотели летать – и создали самолёты, подчинили себе электричество. Не нужно быть Гарри Поттером, чтобы понять: вокруг нас каждую секунду творится чудо! И, научившись не видеть дальше собственного носа, мы всегда отрицали смерть. Это заставляет нас искать правду. Наше восприятие мира – Тёплое, сам мир – Твёрдое. Желание обуздать мир с помощью физики и мате-

матики – не что иное, как попытка вообразить, что мягкое – это определение тёплого. И, улыбаясь в ответ на всю эту магию, оставив попытки найти точные величины и продолжая греться на солнышке, мы смиряемся с тем, что мир мягкий в своём тёплом многообразии, и обретаем покой...

Я не высыпаюсь – глаза постоянно горят. Смотрю на стену – в глазах плывут чёрные пятна. Запах кварца и пыли – в этой душной туалетной кабинке мой разум утомлён. И сейчас это особенно чётко осознаю. Хочется выпить и забыть обо всех выводах, которые я сделал, глядя на собственное отражение в зеркале. Я заправил штаны и заметил, как несколько последних капель попали на ботинок. Это в какой-то степени приблизило моё восприятие к уровню максимальной реальности. Жизнь познаётся в мелочах, главное – уметь созидательно видеть. Кварцевая лампа гаснет и, щёлкая, загорается снова. Вся жизнь – это личное время для раздумий: из чего состоит наша душа? Пальцы касаются холодной воды, потом лица, смачиваю слипшиеся поры разбавленным хлором... Мне снится сон, где я блуждаю в коридорах с вывернутыми наизнанку дверьми, и каждая дверь – точка соприкосновения с чем-то значимым. Мир подарил мне необычные способности, но отнял самое главное, сделав меня пустым и ненастоящим... Лицо – выражение души, идентификатор личности. Смущение делает лицо некрасивым и неприятным, а уверенность или миролюбие заставля-

ет лик сиять; начиная искать недостатки у других, проявляешь свои собственные. Но лицо передо мной – маска, и глаза зеркально отражают внутренний блеск, за которым скрываются бесчисленные туннели...

Глава 1

Телевизор в квартире перестал намагничивать пыль после того, как уехали Лера со Стасиком – в нём просто не стало необходимости. Последнее время постоянное сидение за книгами стало для Леонида привычкой – за исключением тех дней, когда он покидал свой дом больше чем на семь часов. Такое случалось редко – ведь работа дворником занимает в основном утренние часы, и уже к рассвету он возвращался домой. Слезные железы горели, отдаваясь монотонным звоном в глубине лба. Такое бывает, когда теряется контроль над собой. Жена уехала к сестре, взяв с собой сына, и теперь это особенно чувствуется; остаться одному – значит почувствовать движение атомов в мельчайших частицах пыли. Слышно, как хлопья летящей кожи касаются твёрдых поверхностей. Седой пятидесятилетний мужчина лежал на супружеской кровати. Его глубокие, постоянно грустные карие глаза сияли внутренней мудростью и каким-то детским оптимизмом. Квадратное морщинистое лицо и один прищуренный глаз – точь-в-точь как детектив из испанского сериала...

Тапочки остались возле кровати, когда в районе часа ночи

он в нетерпении подошёл к ящику с лучевой трубкой. Нашупал корешок внутреннего беспокойства, выдернул антенну из гнезда – не помогло. Леонид чувствовал, как из квадратного ящика тянет гнетущей суетой грустных новостей и постоянных дебатов людей, решивших стать чужим мнением – мнением тех, кто постоянно слушает сценарий внутренней провокации, используя факты, которые необходимо использовать, чтобы картина была видна с нужной точки зрения.

Леонид взял этот кусок мыльной оперы и отнёс в ванную комнату. Положил на дно акриловой ванны, убедившись, что она суха. Правда, чугун был бы лучше. Леонид выпрямился с хрустом межрёберных позвонков, вытер испарину о полотенце и закрыл за собой дверь. В каждой квартире есть этот долбаный кусок дерьма, заставляющий людей разговаривать на своём фоне! Души людей пропитаны тягой, а пальцы тянутся к кнопкам каждый раз, когда они входят в квартиру. Тишина... они боятся тишины, как, впрочем, и он.

Леонид вернулся в постель. Холодный матрац ощупал тело сквозь постельное бельё, ожидая тепла. Фон пропал – смрад ящика исчез в глубине ванны.

Кассетный видеомаягнитофон мигал на коричневой тумбе в углу числами «ноль-ноль». Всё это происходило в полной темноте – свет был погашен. «Лера, почему ты решила перед Новым годом уехать к сестре – могла бы оставить сына!» – «Нет, он должен видеть свою тётю», – говорила она.

Леонид задержал дыхание, и сердце его успокоилось, но-

ющие толчки обрели ритм. Числа мигали, словно маятник слился с хлопками в груди. Где-то далеко в глубине мозга зашипел чайный свисток. Он постепенно усиливался, расслабляя конечности и словно отсоединяя их от центральной нервной системы. Открыть глаза было невозможно – сон стал борьбой за власть над собственным телом. Звон вернулся – прямо в голову начали пробиваться слова женщины. Бесцеремонная и незваная дикторша из космоса захватила личное право на тишину. Она говорила что-то важное, цельное, но абсолютно бесполезное для Леонида. Где-то на подсознательном уровне возникло сопротивление, затем одновременно с женщиной ритмичное разноголосье прорезал мужчина, что-то быстро и цельно болтая. Они о чём-то рассказывали, как дикторы новостей или что-то вроде того, – звон усилился и спустя мгновение пропал. Мужчина и женщина в сознании Леонида разговаривали не между собой, хоть и не перебивали друг друга. Говорили каждый о своём, но созвучно – цикада, вводящая в гипноз. Леонид лишь пытался уснуть в дрёме – между сном и явью горел костёр беседы, треща щепками; в темноте зала не угасал их голос.

«Хватит!» – хотел крикнуть он, но рот просто брызнул молчаливым хрипом. Нехотя, словно лёгкий сквозняк над порогом входной двери. «Пожалуйста, хватит!» – думал Леонид, словно ему на грудь положили гирю или на неё решил присесть домовый, чтобы послушать голоса из космоса. Глаза Леонида открылись, а разум продолжал спать в беседе

чьих-то несмолкаемых лир. Цикада дала сбой, голоса начали переплетаться, а вместе с этим возникло желание проснуться. Потянув руку на себя, Леонид почувствовал, что она лежит на своём месте и не желает подниматься. Рывок – и рука поднялась (так ему показалось, хотя над его рукой лишь блеснула прозрачная оболочка). Рябь контура руки – словно звёзды ночного неба. Леонид со стоном сложил и разложил пальцы прозрачной руки, даже слегка повернул их, а затем, если так можно назвать этот сон наяву, вложил астральную проекцию в онемевшую руку. Ей-богу, обычно, когда это происходило – тихо подступающий звон или даже намёк, ещё до начала голосов, – он в тот же миг заставлял себя проснуться, повернуться на другой бок и быть бдительным. Но в этот день пришлось выскребать всю территорию базы – отгружалась большая партия картона, которую он неделями собирал возле мусорных контейнеров, чтобы потом сдать в макулатуру. Из-за тяжёлой физической нагрузки Леониду было лень сопротивляться звону – и теперь его телом завладели незримые дикторы. Самое интересное, что если прислушаться к ним, то понимаешь: их беседа лишена смысловой нагрузки. Разговор ни о чём, но звучит он так, будто говорят о важных вещах.

Дежавю – и Леонид словно исчез из того пространства, в котором находился. Лицо облепила пыль и мрачный холод. Зудела нога, и дышал он неполной грудью. Хотел поднять голову, но лоб упёрся в острую арматуру.

«Как такое может произойти? Как можно оказаться в такой ситуации? Где я?»

Нога забилась в судороге – сжимались и разжимались мышцы. При вдохе Леонид словно окунулся в детство, где постоянно мучился аденоидами, до головокружения и тошноты. Из-за недостатка кислорода он постоянно ходил в неясном рассудке. Ногам тесно, перед глазами – железный прут, но, кажется, всё не так плохо.

– Ой, не могу... Ой, не могу... – хрипел кто-то совсем рядом.

– Кто это?

– Помогите! – хрипело и захлёбывалось что-то старое совсем рядом. – Не могу... не могу дышать!

– Вы... – голос прозвучал слабо и затерялся в столах. Леонид судорожно вдохнул воздух, чтобы сказать на коротком выдохе: – Держитесь, я рядом...

– Больно... – забулькало. – Умираю я, умираю, помогите...

Стоны давили Леониду на больную мозоль – ведь он всегда относился ко всем так, словно чужое горе было горем его близкого. Он молод, ему двадцать с небольшим, он завален камнями – жуткая беспомощность. Не хотелось этого делать, но было его так жалко! Леонид закрывал глаза от пыли, слыша гул своего дыхания.

– Держись, я тут.

– Пожалуйста-а-а...а... – он захрипел, и рука Леонида за-

дела его руку. Старик, словно краб, вцепился в неё – и острое ощущение щекотливого дежавю уволокло разум, словно кислое молоко свернулось в крепком кофе.

Три резких выдоха – первый глубокий, второй обрывистый, третий затихающий. Ему удалось выбраться. Леонид очутился снова в своём постаревшем теле, в своей квартире. Тело было непослушным – медленно поворачиваясь, он ждал, пока сила прильнёт к конечностям и тело займёт истинный хозяин. Леонид готов был рухнуть на пол с дивана, лишь бы удар разбудил. Как только получилось шевельнуть кончиками пальцев, моторная функция вернулась, и воспользовавшись этим, он медленно сел на диван, потом включил светильник. Неряшливо шатаясь, отправился в ванную и помыл лицо – нужно проснуться до конца, а то игра астрального мира снова начнётся. Вода могла испортить телевизор, но струя слишком маленькая. Если не отряхнуться, принять реальность, чтобы потом вставить другую кассету, – можно снова вернуться в мир прошлых воспоминаний. Не хватает Леры – она обычно сразу будила Леонида, стоило ему застонать или оборваться дыханию во сне. Он говорил ей: «Толкай и буди, если почувствуешь, что мне снится кошмар».

Леонид взял с серванта часы – кожаный ремешок на них уже потрескался. Часы подарила она. Он положил их под подушку и мысленно слушал стук стрелок, медленно засыпая, уже без звона и голосов.

Утренние лучи пробились в окно. Пыль кружилась в воздушном потоке перед самыми глазами... а ведь Леры нет всего неделю! Леонид мог бы взять выходные и уехать к ней, если бы не этот снег. В последние дни его навалило очень много. Леонид взглянул на часы – придётся вечером ехать на работу, раз утром проспал. Он ощутил неприятную боль в паху и опять припухлость. Нужно принять душ. Мобильный телефон, лежавший на столике в зале, мигал сообщением, но Леонид отложил его просмотр, решив позвонить Максиму – сторожу на базе где работал Леонид. Вчера была как раз его смена.

– Макс? – после гудков, услышав обрывистый хрип на другом конце, сказал Леонид.

– Лёня, привет, я уже закругляюсь, сдаю смену. Что-то срочное?

– Снегу много навалило?

– Так, припорошило слегка, но уже притоптали.

– Скажи Наде, что зарплату я выдам сегодня вечером. Она уже пришла?

– Да, передам. Она обход пошла делать – у «Карандаша» ночью сигнализация сработала. Опять что-то с электросетью – оказалось, в открытое окно залетела птица. Датчики движения на неё и среагировали. То ли синица, то ли воробей – точно не знаю.

– В общем, ночка у тебя тяжёлая вышла, – посочувствовал Леонид.

– В общем-то, да, – засмеялся Макс.

Максу было двадцать семь лет. Леонид и представить не мог, что Макс делает на этой работе за девять тысяч рублей в месяц. Десять смен в месяц, а на субботу-воскресенье приходится сидеть целые сутки. В будние же дни днём в помещении охраны сидела Надежда Дмитриевна. Она уже была на пенсии, но с лохматых годов работала на базе. Леонид же был не просто дворником – он ещё помогал начальнику охраны, выдавал зарплату охранникам, предварительно собрав её с фирм-арендаторов, которые брали на базе помещения в аренду. Канцелярская фирма «Карандаш», которую посетил ночью незванный гость, была одной из таких фирм. Начальник охраны на базе, который помог Леониду устроиться, – двоюродный брат Леры. Поэтому Леонид и получил дополнительные обязанности к своей спокойной работе. Да, именно такая работа ему и нравилась: никто над тобой не главенствует, нет над головой начальника, нет тех, кто тобой помыкает, главное – чтобы на территории был порядок. Платили в среднем неплохо – каждый за свой участок. Здесь не нужно никого слушать, ни с кем разговаривать, за исключением охранника и знакомых, да и с теми разговор длится недолго. Люди рядом с Леонидом становятся прозрачными и просвечивают, как ладонь, закрывающая солнечный диск, – яркий свет сквозь кожу, а когда они начинают говорить, сквозь них проскальзывают всё их внутреннее существо с накопившимся опытом и оттенки самых

простых эмоций, которые приобретались в далёком детстве. Всё это чувствовалось интуитивным образом – как человек чувствует, когда ему смотрят в спину или скрывают за улыбкой неприязнь. Всё это есть у каждого, но у Леонида данный эффект намного сильнее – он слышит их внутренние голоса как свой собственный. Он как будто думает за них – по крайней мере, так ему кажется. Словно он – внутреннее зеркало окружающих людей, смотрит на себя чужими глазами. Так устроено его внутреннее восприятие – наблюдать со стороны окружающих людей; при этом самому приходится приложить определённые усилия, чтобы сосредоточиться на своём собственном мировоззрении. Уставший от такой жизни, был стар не по годам. Люди, которых Леонид хорошо знает, просвечиваются едва-едва – наверное, потому, что на них хорошо фокусируется внимание. А вот с Лерой ему было намного проще: человек, которому ты намеренно хочешь понравиться, становится непроглядным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.